

О.С. Маврина

ЭПОХА СЕЛЬДЖУКИДОВ И ЛИЧНОСТЬ АБУ-СА'ИДА АБУ АЛ-ХАЙРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АКАДЕМИКА АГАТАНГЕЛА КРЫМСКОГО

ИНТЕРЕС исследователей к эпохе сельджукидов в исторической науке связан с тем, что сельджукское завоевание явилось наиболее крупным завоевательным движением со времени арабских завоеваний VII–VIII веков и сыграло особую роль в политической и социально-экономической истории стран Ближнего и Среднего Востока. Важность этого периода в истории региона отмечалась в работах А. Новосельцева, С. Агаджанова; сельджукской проблеме посвящены работы В. Бартольда, А. Якубовского, Б. Заходера, И. Петрушевского и др. Образование Сельджукского государства в XI в. произошло на территории Ирана, а также современного Туркменистана, земли которого входили в состав Хорасана, Гургана и Хорезма. Период от возникновения государства Газневидов в последней четверти X в. и образования Великой Сельджукской империи в XI веке нашел свое отображение и в работах академика А.Е. Крымского.

Первое, по оценке самого А. Крымского, “предварительное” исследование, было опубликовано в 1903 году под названием “История Персии, ее литературы и дервишеской теософии” [Крымский 1903]. Ученый исследует период Газневидов и Сельджукидов. Это небольшое по объему исследование начинается появлением тюрок на территории Ирана, а именно эпизодом, когда один из саманидских полководцев, выходец из тюрок-гулямов, наместник Хорасана Алп-Тегин, поднял мятеж против местного саманидского правителя и потерпел неудачу. По словам А. Крымского, «тюрк Альптегин, или по-турецки Алп-Тегин» сбежал, боясь мести правителя саманидов Мансура I (961–976), с несколькими тысячами своих приверженцев через Кабульский проход в Газнин (Газну), укрепился там и отразил высланные против него войска Мансура [Крымский 1903, 7]. При правителе Себоктегине, который расширил свои владения, Газневидское государство

считалось вассалом саманидов, а при сыне Себоктегина Махмуде (998–1030) царство Саманидов пало, Махмуду Газневи покорился Хорасан (999), Хорезм (1017), часть горных территорий Афганистана и севера Индии.

Уже при сыне Махмуда Максуде (1030–1041) подчиненные газневидам области постоянно восставали, а из-за Оксуса (Амударьи) на Иран начали проникать орды тюрк-сельджуков под началом Тогрул-бека и Чагыр-бека (Чакыр-бека). Ссылаясь на мнение английского ориенталиста-тюрколога С. Лэн-Пуля [Лэн-Пуль 1899, 124] А. Крымский предполагает, что последнее имя звучало скорее Чакры-бек [Крымский 1903, 8]. В последующих работах, посвященных сельджукам, А. Крымский уже употребляет форму Чагры-бек, которая и сейчас принята в научной литературе [Крымский 1914, 121; Маркарян 1991, 81]. Сельджуки сначала жили на Сырдарье (Яксарте), потом с согласия хорезмского наместника Харуна, который отделился от государства Газневидов в 1034 г., поселились в Хорезме, а затем, переправившись через Амударью, в 1035 году поселились в Хорасане [Крымский 1903, 8].

Войска Газневидов были разбиты Чагры-беком (по А. Крымскому) сначала при Мерве в 1036 г. и еще раз в 1040 г. Разгром армии султана Масуда в 1040 г. положил конец владычеству Газневидов в Северном Хорасане. Сын Масуда Мавдуд (1042–1048) продолжал еще бороться, но Ибрагим, вступивший на газневидский престол после долгих распрей (1059), заключил с сельджуками мир, в результате чего центр газневидского государства постепенно смещается из Ирана в Индию, а Хорасан с Балхом, Гератом и Седжестаном остается за сельджуком Чагры-беком и его сыном Алп-Арсланом [Крымский 1903, 9].

А. Крымский подчеркивает, что расширение границ Сельджукского государства происходило очень быстро. Брат Чагры-

бека Тогрул-бек в короткий срок захватил Джоржан и Табаристан, в 1046 году оба брата захватили Хорезм, в том же году Тогрул-бек вторгся в государство Буидов [Крымский 1903, 9]. Борьба с последними Буидами была достаточно упорной, только в 1054 г., после покорения Азербайджана, Тогрул-бек двинулся на Багдад, столицу халифата, который был оплотом Буидов. В 1055 году важнейший из Буидов, Мелик-Рахим, был взят в плен и суннит Тогрул-бек вступил в Багдад. Все владения Буидов переходят к нему, а в 1058 году Тогрул-бек был возведен халифом, «бессильным повелителем правоверных» [Крымский 1903, 10], в сан султана и столицей становится город Рей. Таким образом, в сравнительно короткий срок Тогрул-беку удалось захватить Иран, часть Ирака и Закавказья [Агаджанов 1973, 6].

После смерти Тогрул-бека его племянник Алп-Арслан (1063–1072) становится султаном всего Ирана. Самостоятельная Бухара, которая осталась в руках других тюрков, родственных сельджукам, и афганно-индийское государство Газневидов не входят в область собственно Ирана.

В результате военных походов при султанах Алп-Арслане (1063–1072) и Малик-шахе (1072–1092) была завоевана Сирия, Армения, Грузия, Малая Азия (к 1081 г. относится взятие Никеи), Бухара (1089) и даже Кашгар. Таким образом, заключает А. Крымский, «...Мелик-шаху подчинилась почти вся мусульманская Азия: все области от границ Китая до Средиземного моря – почти до ворот Константинополя, и от Кавказа до Йемена, столица была в Испахане...» [Крымский 1903, 10].

Наряду с военными подвигами славу султану Мелик-шаху принесла мирная деятельность визиря Низамольмолька (Низам аль-Мульк), который имел на шаха очень большое влияние. Во время своего правления Низамольмольк написал «Сийасат наме» – «Книгу о правлении», которая является ценнейшим источником по истории государства «великих Сельджукидов». Перевод и комментарии этого источника были сделаны Б. Заходером и представляют собой завершённое исследование текста; оригинал текста был издан Ч. Шефером в 1893 г. [Крымский 1914, 120; Маркарян 1991, 22].

А. Крымский замечает, что столь большое влияние визиря на Мелик-шаха, возможно, объясняется тем, что Низамольмольк был его воспитателем с детских лет [Крымский 1903, 10]. Именно благодаря деятельности Низамольмолька восстанавливались разоренные местности, улучшались пути сообщения, строились общественные здания (богадельни, каравансарай, мечети). В Багдаде, в котором с 1086 года Мелик-шах имел резиденцию, была построена обсерватория; Омаром Хайямом несколько раньше была предпринята реформа календаря, известная под названием «Джелялединовой эры» (Джелял-эд-дин – букв. «слава веры» – титул Мелик-шаха) [Крымский 1903, 11].

В последующих своих работах по истории и культуре мусульманского Востока А. Крымский отдельный том посвящает периоду государства Махмуда Газневидского и образованию Великой Сельджукской империи. В 1914 году появляется расширенный и переработанный его труд «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии...», в котором ученый достаточно подробно на базе существующих источников исследовал именно тюркский период в Иране – от появления здесь тюрков и возникновения государства Махмуда Газневидского до завоевания его сельджуками и образования Сельджукской империи. Завершает свой труд А. Крымский, по его словам, очерком «блестящего периода персидской литературы», где, кроме анализа этого периода, подает образцы произведений наиболее выдающихся поэтов того времени.

В исследовании А. Крымский более подробно останавливается на происхождении сельджуков. Сельджуки получили свое наименование от имени вождя племен огузов из рода Кынак, проживавших в низовьях Сырдарьи [Рашид ад-Дин, 1952, 90–91]. Первые сведения об огузах относятся к IX веку, авторы X века уже гораздо чаще говорят об огузах и помещают их на восточном побережье Каспийского моря, вокруг Аральского моря и на нижней Сырдарье. Западной границей расселения огузов арабские географы считают владения хазар и волжских булгар, а восточной – область карлуков в Семиречье. Род сельджуков обитал, по данным арабской географии, в низовье Сырдарьи. На сегодня в вопросе

о расселении огузов среди исследователей нет единства. В частности, С. Агаджанов считает их выходцами из района среднего течения Сырдарьи [Агаджанов 1963, 37–38]. А. Крымский отмечает, что сельджукская орда жила в бухарских владениях, «в южном бассейне низовья» Сырдарьи, а название «сельджукской» орда получила от имени Сельджука – деда Чагры-бека и Тогрул-бека [Крымский 1914, 12]. Что касается первоначальной территории проживания, то ученый высказывает мнение, что переселились сюда сельджуки из киргизских степей, когда Бухара принадлежала династии Саманидов, и именно здесь их племя приняло ислам.

После свержения Саманидов тюркскими илек-ханами Караханидами (999) сельджуки подчинились новым правителям. Но вскоре, уже при Чагры-беке и Тогрул-беке, сельджуки двинулись на Амударью, очевидно под давлением других тюркских племен, и расположились кочевьями в области хорасанского Мерва. Здесь они обратились к газневидскому хорасанскому правителю с просьбой ходатайствовать за них перед султаном Масудом, чтобы тот разрешил им остаться на этих кочевьях. Но через какое-то время сельджуки, используя нестабильность в Газневидском государстве, быстро завоевывают Хорасан. В частности, жители Нишапура по совету кадия (судьи) в 1039 году с почетом встретили туркмен-сельджуков, с тем чтобы избежать разорения и разрушения города [Крымский 1914, 123]. Дата взятия Нишапура в историографии варьируется от 1037-го до 1039 года. По последним исследованиям, 1037 год является наиболее достоверной датой [Берадзе 1985, 48–49].

Окончательная победа над войском султана Масуда в Хорасане состоялась в мае 1040 г. возле небольшой крепости Денданакан, в пустыне между Серахсом и Мервом [Агаджанов 1975, 5; Крымский 1914, 123]. Как отмечает А. Крымский, победитель, вождь сельджуков Тогрул-бек, велел поставить трон на месте битвы и здесь же принес присягу как государь, сменивший Газневидов, причем А. Крымский называет его «примитивным варваром-номадом» [Крымский 1914, 123].

Дальнейшие сельджукские завоевания одновременно были направлены на вос-

ток во главе с Чагры-беком и на запад, где армию возглавлял Тогрул-бек. На востоке газневид Масуд покидает Газну и бежит в Индию. Его более энергичный сын Мавдуд (1041–1048) не только не допустил сельджуков к Газне, но и продолжал бороться за Восточный Иран. А. Крымский отмечает, что осложнения внутри Газневидского государства были связаны с тяжкими междоусобицами в борьбе за престол после 1048 года [Крымский 1914, 124]. Ибрагим, преемник Мавдуда, которого А. Крымский называет «ханжой», не стал отстаивать свои наследственные права на занятые сельджуками Хорасана с Балхом, Гератом, Систаном и в 1059 г. подписал мир с сельджуками, в результате которого были признаны все предыдущие их завоевания [Крымский 1914, 124].

Давая описание и оценку завоеваниям Тогрул-бека на западе, А. Крымский не добавляет ничего нового, замечая лишь, что, очевидно, именно после провозглашения Тогрула «султаном» этот термин получает широкое употребление, хотя он применялся и раньше [Крымский 1914, 124].

Исследование истории образования Сельджукской империи у А. Крымского примечательно тем, что, кроме изложения фактов, он дает характеристику тем или иным событиям и личностям, зачастую нелицеприятного характера. Например, в заключение главы о завоеваниях Тогрула А. Крымский указывает на интересный факт, что незадолго до смерти Тогрул заключил помолвку с дочерью (по другим источникам – с сестрой) халифа. Помолвка состоялась, несмотря на сильное нежелание халифа. Излагая данный факт, А. Крымский делает замечание, что нежелание халифа вполне объяснимо, так как Тогрул был «грубым семидесятилетним варваром, с которым говорить нужно было при помощи переводчика» [Крымский 1914, 125].

Что касается правления султана Алп-Арслана, то ученый подробно останавливается на случае с пленением византийского императора Романа IV Диогена во время завоеваний сельджуков в Армении. Победе над византийским императором А. Крымский придает очень большое значение, заявляя, что «в битве 1071 года Алп-Арслану досталась такая военная слава, которая

не выпадала на долю мусульманских владык», он не только разбил византийское войско, но взял в плен самого императора [Крымский 1914, 126; Розен 1886, 22].

А. Крымский показывает сцену встречи двух правителей и еще раз делает замечание, подтверждающее наше мнение о том, что, пытаясь быть объективным в изложении истории сельджукских завоеваний, он очень негативно относился к завоеванию как процессу и к завоевателям конкретно. Встречу императора-пленника и султана-победителя А. Крымский называет дикой, так как телохранители Алп-Арслана тащили императора за волосы, стараясь пригнуть его к земле, чтобы он поцеловал ее перед султаном; сам султан три раза ударил императора своей рукой. Таким образом, ученый акцентирует внимание на грубости и варварском отношении Сельджукида к своему пленнику [Крымский 1914, 126].

Давая характеристику правлению Мелик-шаха (1072–1092), А. Крымский останавливается на личности самого правителя, отмечая, что Мелик-шах «все еще изрядный тюрк-варвар, хотя видимо грамотный и не лишенный некоторого просвещения государь» [Крымский 1914, 126], в отличие от В. Бартольда, считавшего Мелик-шаха неграмотным [Бартольд 1900, 328].

Сельджукские завоевания и период существования империи Сельджукидов получили неоднозначную оценку в историографии, что нашло свое отражение и в сочинениях А. Крымского. Ученый приходит к выводу, что события XI века, несомненно, важны не только в контексте истории Западной Азии. Ученый подчеркивает: «Политическое значение единой мусульманской империи Сельджуков, завершившееся при Мелик-шахе, огромно, а все наше путешествие сельджуков составляет в мусульманской истории очень важную эпоху» [Крымский 1914, 127]. Однако следует отметить, что оценка этого сложного исторического явления в историографии очень противоречива. А. Крымский критикует преувеличенно восхищенное отношение к сельджукским завоеваниям С. Лэн-Пуля, который, по мнению ученого, рассматривает эти события с точки зрения «империализма» [Крымский 1914, 128].

Анализируя политическую ситуацию 30-х годов XI века, Стэнли Лэн-Пуль от-

мечает, что на время появления сельджуков великого Багдадского халифата уже не существовало. Вместо прежнего государства, объединявшего под властью одного мусульманского правителя земли Ближнего и Среднего Востока, в X–XI веках на этих территориях существовало множество мелких династических образований, которые, за исключением династии Фатимидов, не имели притязаний на восстановление империи халифов и вели постоянные войны между собой [Крымский 1914, 128; Лэн-Пуль 1899, 123–125]. Потому важность сельджукского завоевания С. Лэн-Пуль видит в объединении под властью одного государя всей мусульманской Азии, «от западных предгорий Афганистана до Средиземного моря: до границ Греческой империи в Малой Азии и фатимидского халифата в Египте [Лэн-Пуль 1899, 125].

А. Крымский, в противоположность одобрительному мнению С. Лэн-Пуля, считает, что, уничтожив все прежние отдельные мусульманские династии Азии, Сельджукиды уничтожили «свободную мысль и вольнодумные ереси и ввели всюду тупое тюркское правоверие» и это является роковым и пагубным с точки зрения тех, «кому просвещение и братство всех народов дороже политического их блеска и фанатического пыла...» [Крымский 1914, 129].

В связи с этим, отмечая значение создания Сельджукского государства, ученый акцентирует внимание на развитии культуры, науки, литературы на территориях, вошедших в его состав. Но это развитие А. Крымский связывает в первую очередь с влиянием персидской культуры и деятельностью визиря-перса Низамольмулька (Низам аль-Мулька) [Крымский 1914, 130].

В зарубежной историографии 70–80-х годов XX века историю сельджукского периода (950–1150) очень часто называют «эпохой трансформации», т.е. периодом, когда в регионе Ближнего и Среднего Востока произошли наибольшие изменения в политической и социально-экономической областях. Эта точка зрения четко прослеживается в работах К. Босворта, С. Гойтейна, Г. Буссе и др.

Так как создание Сельджукского государства происходило в основном на

территории Ирана и сопредельных областей, исследователи этого региона отмечают, что для Ирана этот процесс был позитивным. Это было своего рода возрождение иранской национальной государственности под тюркской эгидой [Маркарян 1991, 9]. Тюркские государственные организации и институты находились под влиянием древней иранской традиции управления государством. Несмотря на военное преобладание тюркского этнического элемента и формальное главенство тюркской династии Сельджукидов, иранские по этносу чиновники оказывали решающее влияние на все сферы политической, социальной и духовной жизни Сельджукского государства.

Кроме детального анализа политических событий, А. Крымский приводит достаточно полную библиографию трудов, посвященных этому периоду. В работах по истории Ирана ученый исследует не только политическую историю, но очень много внимания уделяет вопросам культуры: религии, философии, литературы. В частности, в работе по истории Персии 1903 года содержится раздел, посвященный возникновению суфизма. А. Крымский отмечает, что очень важным явлением в истории суфизма было основание первого суфийского монастыря дервишей с определенным уставом. Монастырь возник в Хорасане, и основателем его был шейх Абу-Са'ид Абу ал-Хайр.

Абу-Са'ид Абу ал-Хайр является ярким представителем раннего периода эпохи Сельджукидов. Родился Абу-Са'ид в 967 г. на территории современного Туркменистана, в селении Мьяне (Мехне), где и достиг своего совершеннолетия. Часть своей жизни провел в Нишапуре и в странствиях по другим городам Хорасана. Он стал известен как великий мистик и как великий ученый, достигший совершенства в философии, астрономии и математике. По словам А. Крымского, Абу-Са'ид – «ясный, характерный представитель общеизвестного нам (*теперь*) типа мистической персидской поэзии и почти первый изобретатель особого литературного жанра: знаменитых аскетическо-теософских «робаи» – «четверостиший», жанра очень развившегося в суфийской персидской поэзии» [Крымский 1906, 69]. Исследователь считал, что устав, выработанный шейхом

для суфиев своего монастыря и вносивший единообразие в жизнь этих периодически странствующих «нищих» (дервишей), был чрезвычайно близок к уставу буддийских монахов, проповедующих аскетизм. Каковы же были его идеи? Так как востоковедам конца XIX – начала XX века очень долгое время были мало известны робаи Абу-Са'ида, принято было считать, что, несмотря на буддийскую внешность (в образе жизни) и страстную проповедь мистического, аскетического единения с Богом, суфийство самого Абу-Са'ида не содержало в себе буддийско-пантеистических воззрений и не отличалось в этом отношении от суфийства западного, арабского. Может быть, эта мысль поддерживалась тем ображением, что Абу-Са'ид был духовным наследником известного багдадского суфия Джонейда. Но, после того как многие четверостишия Абу-Са'ида стали известны, А. Крымский, который сам переводил их и исследовал, приходит к выводу, что Абу-Са'ид был пантеистом. Он, считает ученый, был «один из первых достоверно сохранившихся поэтов-суфиев, всецело подходящий как по форме (по особому мистико-эротическому и мистико-гедоническому языку и приемам), так и идеям к поздним прославленным персидским поэтам (Сенаи, Хейям, Аттар, Руми)» [Крымский 1906, 71]. Об огромном влиянии Абу-Са'ида на становление и развитие суфизма говорит и тот факт, что во второй четверти XI века, в конце жизни Абу-Са'ида, было сделано подведение итогов суфийства в систематической форме двух научных трактатов по истории суфизма с изложением доктрины и обзором разных толков. Один трактат имама Кошейрия 1046 года, другой – имама Джоллябия 1057 года [Крымский 1906, 72]. Согласно автору XI века Байхаки, Абу-Са'ид пользовался огромным авторитетом. Именно к нему прибыли первые Сельджукиды Тогрул-бек и Чагры-бек и получили у него благословение на создание государства.

Изучение творческого наследия Абу-Са'ида Абу ал-Хайра получило продолжение в «Истории Персии...» 1915 года, где А. Крымский дает анализ так называемого «блестящего периода персидской литературы», и отдельную главу посвящает творчеству и личности Абу-Са'ида Абу ал-

Хайра. Здесь он приводит наиболее характерные его четверостишия в прозаическом переводе В.А. Жуковского [Крымский 1915, 434–435]. Вот одно из них:

*В то время, как не было ни этих звезд,
ни небес,
Ни этой воды, ни воздуха, ни огня, ни
земли,
Я уже тогда провозгласил тайны
единства –
Когда не было ни этого моего тела, ни
этого голоса.*

Кроме того, ученый приводит в собственном переводе на русский язык выдержки из биографии Абу-Са'ида Абу ал-Хайра, составленной его правнуком Джамаледдином Абу Ровхом ок. 1200 года [Крымский 1915, 436–450]. «Жизнь и речи старца Абу-Са'ида» Джамаледдина Абу Ровха изданы В.А. Жуковским в 1899 году, но перевода к моменту написания «Истории Персии...» А. Крымским еще не существовало ни на одном языке. Поэтому ученый помещает в своем «Очерке блестящего периода персидской литературы» в собственном переводе на русский язык довольно значительное количество извлечений из изданной В. Жуковским книги, которые перемежаются поэзией также в переводе А. Крымского. По предложению А. Крымского персидский текст «Жизни и речей старца Абу-Са'ида» был включен Мирзой Абд. Гафаровым в печатающийся I том его «Образцов персидской письменности» в «Трудах по востоковедению» Лазаревского института.

Вот один из отрывков из «Жизни и речей...» в переводе А. Крымского, помещенных в «Истории Персии...» 1915 года.

Рассказ

Однажды два путника пришли к шейху и обратились с просьбой – “Научи нас суфийству!” Шейх стоял прислонившись спиной к колонне. Он трижды прикоснулся к колонне рукой, но ничего не сказал. Гости поклонились и ушли от шейха. Один из этих двух, который был поумней, спросил: «Что сделал шейх» – и сказал: «То, что нужно было, шейх дал понять тремя движениями, прикасаясь к колонне. А именно: «Молчи, будь прям, будь вынослив» [Крымский 1915, 449].

К этим выборкам из «Жизни и речей старца Абу-Са'ида» А. Крымский добав-

ляет еще один отрывок из другой биографии – «Тайны божия единства» Мухаммеда ибн Муневвера XII века по изданию В. Жуковского 1899 года.

Рассказ

Передают, что Абу-Салыха, который состоял чтецом у нашего шейха, постигла болезнь и он слег в постель. Шейх позвал ходжу Абу-Бекра Моэддеба, воспитателя шейховых детей, и приказал подать чернильницу, перо и лоскут бумаги: «Я продиктую бережную записку для Абу-Салыха, а ты напишешь». Абу-Бекр принес бумагу и чернильницу. – «Пиши!» – Приказал наш шейх. Продиктовал записку (*содержание записки, поэтическое четверостишие, также в переводе А. Крымского*). Ходжа имам Абу-Бекр Моэддеб написал этот оберег. Снесли записку Абу-Салыху и приложили к его телу. Тотчас появились в нем признаки выздоровления, и в тот же день он вышел из дому и расстался со своей болезнью [Крымский 1915, 450].

А. Крымский отмечает, что до настоящего времени за четверостишиями Абу-Са'ида признается сила талисманов или амулетов. Для достижения чудотворного действия их полагается читать определенное количество раз с соблюдением известных правил. Чтение может иметь последствие отпущения грехов, они могут вызвать дождь, предотвратить голод, предохранить от укуса змеи, скорпиона; люди верят, что с помощью робаи Абу-Са'ида можно добиться исполнения задуманного [Крымский 1915, 450].

А. Крымский приводит библиографию об Абу-Са'иде. Кроме изданий на восточных языках, отмечает вклад первого исследователя четверостиший Абу-Са'ида среди ориенталистов Германа Эте (1875–78), который в 1875 году опубликовал в немецком стихотворном переводе 92 стихотворения и сопроводил издание исследованием с использованием поздних географическо-биографических энциклопедий XVI века [Крымский 1915, 432–433].

В последующих своих работах А. Крымский будет неоднократно возвращаться к личности Абу-Са'ида Абу ал-Хайра и его творчеству. В 1916 году при поддержке ученого был издан сборник поэзии «Персидские лирики X–XV вв.». Перевод с персидского был сделан акад. Федором Коршем, а

А. Крымский после его смерти отредактировал сборник и сопроводил его вступительной статьей. В этот сборник вошли четверостишия Абу-Са'ида Мейхенского в переводе Ф. Корша, а сам А. Крымский во вступительной статье приводит биографические сведения о великом шейхе и делает анализ его творческого наследия. Ученый образно называет Абу-Са'ида «Феодосием Печерским персидского суфизма» и, отмечая его влияние на духовную жизнь того времени, приводит сведения о том, что Абу-Са'ид и ученый-философ Ибн Сина (Авиценна) состояли в дружественных отношениях и, в частности, отзывались друг о друге так: Абу-Са'ид говорил, что «Ибн Сина путем науки знает то самое, что я вижу в наитии», а Ибн Сина в свою очередь отвечал: «Абу-Сеид постиг путем наития то самое, что я изучил через науку» [Персидские лирики... 1916, XXII].

Вот несколько переводов Абу-Са'ида, сделанных акад. Ф.А. Коршем.

1
Печаль, что душу мне терзает, –

вот она!
Любовь, что всех врачей смущает, –
вот она!
Та боль, что в слезы кровь мешает, –
вот она!
Та ночь, что вечно день скрывает, –
вот она!

9
К познанию божества прямым
путем идущий
Чуждается себя и в Боге весь живет.
Себя не признавай! Верь: Бог един есть
суций!

«Божествен только Бог» к тому же
нас зовет.

В научном наследии акад. А. Крымского очень большое место занимают исследования истории Ирана. В своих работах А. Крымский неоднократно обращался к личности Абу-Са'ида – в разных изданиях своих книг. И независимо от того, были ли исследования посвящены литературе, истории или теософии, ученый отметил большое влияние Абу-Са'ида на политическую, социальную и духовную жизнь своей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанов С.Г. **Очерки истории огузов IX–XIII века.** Ашхабад, 1963.
Агаджанов С.Г. **Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв.** Ашхабад, 1973.
Бартольд В.В. К вопросу о феодализме в Иране // **Сочинения.** Москва, 1971. Т. 7. №4.
Бартольд В.В. **Туркестан в эпоху монгольского нашествия.** Санкт-Петербург, 1900.
Берадзе Г.Г. О начале монетного чекана в государстве Сельджукидов // **ЭВ,** 1985. Вып. 23.
Бертельс Е.Э. **Очерк истории персидской литературы.** Ленинград, 1928.
Заходер Б.Н. Хорасан и образование государства сельджукидов // **ВИ,** 1945. №5–6.
Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. 2-е значит. измененное и дополненное издание. Ч. II. От розложения сельджукского царства до монголов. Москва, 1906.
Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии // **Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков.** Вып. XVI. Москва, 1903.
Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии // **Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков.** Москва, 1914. Т. I. № 2.
Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии // **Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков.** Москва, 1915. Т. I. № 4.
Лэн-Пуль С. **Мусульманские династии.** Санкт-Петербург, 1899.
Маврина О. **Абусагыт Абылхайыр и его эпоха в исследованиях академика Агатангела Крымского // Материалы международной научной конференции «Абусагыт Абылхайыр – великий мыслитель Востока». 13–15 ноября 2007 г. Санджар, Ашгабад, 2007.**

Маркарян С.А. Сельджуки в Иране XI века. Саратов, 1991.

Новосельцев А.П. Некоторые проблемы историографии средневекового Закавказья // **ВИ**, 1982. №3.

Персидские лирики X–XV вв. С персидского языка перев. акад. Ф. Корша, вступ. статья А. Крымского. Москва, 1916.

Петрушевский И.П. Феодалное государство в Иране, Малой Азии и арабских странах в X – начале XIII вв. **Всемирная история**. Москва, 1957. Т. 3.

Рашид-ад-Дин. **Сборник летописей** / Перев. с перс. А.А. Хетагурова и О.И. Смирновой. М-Л, т. 1, кн. 1.

Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Альп-Арсланом // **Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества**. Санкт-Петербург, 1886.

Сиасет-Наме. **Книга о правлении визиря XI столетия Низам ал-Мулка** / Пер., введ., примеч. и коммент. Б.Н. Заходера. Москва – Ленинград, 1949.

Якубовский А.Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства // **Фердовси**. Ленинград, 1934.

Якубовский А.Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в. // **Известия АН СССР ООН**, 1937. №4.